

Отзыв официального оппонента на диссертацию Д. Б. Волкова «Проблема свободы воли и моральной ответственности в аналитической философии конца XX - начала XXI вв.», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 - история философии

Проблема свободы воли относится к одной из самых сложных и активно обсуждаемых проблем на протяжении всей истории развития философского знания. Несколько десятилетий назад она обрела, можно сказать, очередное рождение благодаря серьезному прогрессу, имевшему место в области изучения человеческой психики с помощью естественнонаучных методов и подходов. Философия не могла не отреагировать на те открытия, которые за последние полвека были сделаны когнитивными психологами и нейрочеловеками в ходе эмпирического изучения свободы действия, вопросов происхождения морали, принципов принятия решений, что позволило вывести научно-философские дискуссии о природе этих проблем на новый уровень. В этом отношении диссертационное исследование Дмитрия Борисовича Волкова «Проблема свободы воли и моральной ответственности в аналитической философии конца XX - начала XXI вв.» представляет собой актуальный и систематический труд, который ставит одной из своих задач ознакомить отечественную философскую науку с самыми новыми концепциями, разработанными за последнее время в традиции аналитической философии, которая с момента своего возникновения старалась продвигаться рука об руку с наукой.

Диссертация представляет собой редко встречающееся сочетание проблемного и историко-философского способов изложения материала. Такую стратегию автор выбирает уже с самых первых строк диссертационного исследования, утверждая, что проблема свободы воли в принципе может быть разрешима только после рассмотрения трех других проблем: ментальной каузальности, совместимости свободы воли и моральной ответственности с детерминизмом и индетерминизмом, и проблемы тождества личности.

Диссертация начинается с детального рассмотрения проблемы ментальной каузальности. Автор диссертации считает ментальную каузальность (каузальную эффективность ментальных феноменов) необходимым условием свободы воли. Опираясь на концепцию аномального монизма Д. Дэвидсона, диссертант показывает, что свобода воли не имела бы смысла, если бы у ментальных событий онтологически не было возможности каузально влиять на события физические. Судя по тексту диссертации, ее автор выступает проponentом тезиса ментальной каузальности, выдвинутого Дэвидсоном. Диссертант согласен с Дэвидсоном в том, что ментальная каузальность является необходимым условием свободного действия, однако не считает ее достаточным его условием. Любопытно, что в ходе предпринятого анализа диссертант прибегает не только к классическим способам философской аргументации, но и к современным ее формам, знакомым нам, в частности, из так называемой экспериментальной философии. Так, на с. 42 он приводит данные недавнего социологического опроса отечественных философов, проведенного на предмет их отношения к проблеме ментальной каузальности. Результаты опроса показали, что подавляющее большинство российских

философов (92 процента) считают сознание каузально эффективным. Лично мне данный аргумент в духе экспериментальной философии не кажется убедительным. Представим себе, что Московский центр исследования сознания (который проводил вышеупомянутый опрос) устроил бы опрос жителей Северной Кореи о том, считают ли они своего лидера Ким Чен Ына солнцем. Даже если бы подавляющее большинство жителей этой страны (92 процента) согласилось с данным утверждением, из такого социологического «факта» вовсе не следовал бы онтологический факт тождества солнца и лидера Северной Кореи.

Далее в первой главе исследования диссертант продолжает анализ проблемы ментальной каузальности и ее связи с установкой физикализма в современной аналитической философии, сосредоточив внимание на «аргументе исключения», который был выдвинут американским философом Дж. Кимом. Этим аргументом, по мысли его автора, ставится под сомнение сам факт ментальной каузальности. Выбор, который был предложен Кимом, оказался не очень велик: либо существуют ментальные события, но они каузально неэффективны, либо ментальных событий не существует, а есть только физические, между которыми имеется каузальная связь. Иными словами, Ким предложил выбрать между двумя альтернативами: либо ментальная некаузальность, либо нементальная каузальность. В ходе дальнейшего анализа диссертант, реконструируя «аргумент супервентности», предложенный Кимом, показывает, что у нас нет возможности установить факт наличия каузальных отношений даже между двумя ментальными состояниями, то есть под вопросом оказывается даже ментально-ментальная каузальность. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что решение проблемы ментальной каузальности диссертант видит в теории локального интеракционизма, предложенной отечественным философом из МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Васильевым. Диссертант реконструирует подход российского философа, который полагает, что ментальные события, с одной стороны, не редуцируемы полностью к физическим событиям, а с другой стороны, что они все-таки имеют каузальную значимость в физическом мире. Диссертант разъясняет и, насколько можно судить по тексту, разделяет позицию Васильева, из которой вытекает, что в некоторых локальных пространствах принцип физической замкнутости мира как бы не действует. В локальном пространстве такого типа ментальные события, с одной стороны, невозможно полностью свести к нейронной активности мозга, а, с другой стороны, они оказывают каузальное влияние на поведение человека. Диссертант считает, что теория локального интеракционизма опровергает принцип супервентности ментальных состояний, так как с ее помощью демонстрируется, что любое физическое состояние мозга до конца не определяет дальнейшего поведения сознающего субъекта.

В ходе дальнейшего изложения в первой главе диссертант реконструирует решение проблемы ментальной каузальности, которое в свое время предложил американский философ Дж. Сёрл. Его теория получила наименование биологического натурализма. Сёрл, как и вышеназванные сторонники локального интеракционизма, отрицает редуцируемость ментального к физическому и утверждает каузальную эффективность ментальных состояний в физическом мире. Отличие биологического натурализма от локального интеракционизма, по мысли Д. Б. Волкова, состоит в том, что Сёрл не отрицает тезиса супервентности ментальных процессов на процессах физических. Как справедливо отмечает

Волков, «по мнению Сёрла, ментальная каузальность - это эмпирический факт, с которого и нужно начинать» (с. 74). Вместе с тем, диссертант полагает, что одной лишь демонстрации ментальной каузальности, которая по сути дела строится на апелляции к обыденному опыту, не достаточно для решения проблемы ментальной каузальности. Выбирая между позициями биологического натурализма Сёрла и локального интеракционизма Васильева, диссертант склоняется к версии, предложенной отечественным философом.

Еще одним вариантом решения проблемы ментальной каузальности диссертант считает телеофункционализм известного американского философа Д. Деннета. Диссертант пишет, что в отличие от Сёрла Деннет полагает, что «любой механизм, обладающий функциональными качествами мозга, будет обладать ментальными состояниями» (с. 84), иными словами, функционализм предполагает возможность множественной реализации ментальных состояний. Диссертант очень удачно объясняет отличие классического функционализма (скажем, в варианте А. Тьюринга), от телеофункционализма Деннета. По мысли Д. Б. Волкова, в варианте функционализма, предложенном Деннетом, ментальные состояния реализуются теми функциональными системами, у которых имеется целенаправленное взаимодействие с внешним миром. Стоит особо отметить, что вариант решения проблемы ментальной каузальности Деннетом диссертант именно реконструирует, а не воспроизводит, так как сам американский философ не сформулировал его в виде аргумента или теории.

В конце первой главы диссертант предлагает собственное решение проблемы ментальной каузальности. В основе этого решения лежит аргумент каузальных траекторий, выдвинутый Васильевым, в контексте телеофункционалистской модели сознания, предложенной Деннетом.

Вторая глава диссертации посвящена философским позициям детерминизма и индетерминизма и их значимости для решения проблемы свободы воли. Глава начинается с анализа двух принципов - принципа альтернативных возможностей и принципа автономии, которые, по мнению ряда современных философов аналитической направленности, выступают необходимыми условиями для наличия свободы воли и моральной ответственности. Сначала диссертант обстоятельно реконструирует позицию детерминистов (сторонников каузального, или номологического, детерминизма), а потом позицию индетерминистов, в том числе приводит обстоятельные иллюстрации индетерминизма в квантовых явлениях, обнаружение которых физиками XX века во многом и послужило причиной поставить под сомнение принципы классического детерминизма. Диссертант демонстрирует, что не только детерминизм представляет проблему для рассмотрения вопроса о свободе воли, но и индетерминизм. Это становится особенно очевидно, когда речь заходит об аргументе случайности; если мир индетерминирован, то агент теряет способность контроля за своими поступками и их можно интерпретировать как случайные, а за их совершение нельзя приписать ответственность самому агенту. Затем диссертант освещает основные из современных попыток примирить детерминизм и свободу воли (такое направление называется компатибилизмом). Диссертант дает обзор вариантов компатибилизма (от его классического варианта до современных форм, которые он принимает в теориях Д. Деннета, Г. Франкфурта, Дж. Фишера, вплоть до суперкомпатибилизма). Противники компатибилизма - это либертарианцы.

Диссертант рассматривает как традиционную дуалистическую версию либертарианства, так и современную ее версию, так называемое натуралистическое либертарианство, в частности, концепцию, предложенную Р. Кейном. В доступной и ясной манере диссертант излагает решение проблемы свободы воли, которое предложил Кейн, реконструируя два этапа его проекта: отрицание детерминизма (признание индетерминизма) и сохранение контроля над действиями за самим субъектом (устранение принципа случайности). Первую задачу Кейн решает через введение «принципа альтернативных возможностей», а вторую - через принятие «принципа ответственности в конечном счете». В этом разделе диссертации мы имеем дело с детальным и скрупулезным изложением, чрезвычайно важным для отечественной философской традиции, поскольку здесь вводятся в научный оборот идеи и аргументы из корпуса текстов, даже частично не переведенных на русский язык. Замечу, что, используя результаты историко-философского анализа, осуществленного диссертантом, можно провести любопытный сравнительный анализ идей либертарианства в современной аналитической философии и идей, выдвинутых рядом известных отечественных философов XX века (например, Н. Бердяевым). Диссертант показывает продуктивность теории Кейна, поскольку с помощью признания индетерминизма американскому философу удастся наделить субъекта действия альтернативными возможностями, а с помощью «аргумента ответственности в конечном счете» наделить его контролем над теми действиями, которые он совершает в индетерминистском мире. Впоследствии диссертант критикует подход Кейна. В частности, в концепции Кейна ему не представляется очевидным то, как именно индетерминизм создает возможность для моральной ответственности: даже если такую возможность можно было бы помыслить в каком-нибудь идеальном мире, то из теории, предложенной Кейном, не очень ясно то, как такая возможность практически работала бы в нашем мире. Следующий этап второй главы диссертации связан с анализом философской позиции Д. Перебума, который считает свободу воли несовместимой ни с детерминизмом, ни с индетерминизмом. Такая позиция получила наименование «твердого инкомпатибилизма», для которого, как справедливо замечает диссертант, «в любом из возможных миров, где каузальность связывается необходимостью или вероятностью, ответственность исключена» (с. 188). По Перебуму получается, что в нашем мире свободы воли и ответственности нет. Однако это не означает, что мораль не имеет смысла. Парадоксальный тезис Перебума заключается в том, что скептицизм в отношении свободы воли и ответственности способствует эволюции морали в обществе. Диссертант предлагает детальную реконструкцию инкомпатибилистских взглядов Перебума, его критиков (А. Миле, К. Франклин), а также излагает свои собственные взгляды по этому поводу, которые сводятся к тому, что свобода воли есть, а личность представляет собой пердурантную сущность, которая ответственна за совершаемый ею выбор.

Критика концепции Перебума, предпринятая Д. Б. Волковым в конце второй главы, служит плавным переходом к третьей главе диссертации, посвященной теориям тождества личности и проблеме моральной ответственности в аналитической философии середины XX - начала XXI веков. В этой главе центральную роль играет концепция событийного каузализма и его значимость для современной метафизики. Выражение «событийный каузализм» - изобретение самого диссертанта. Его он отличает от стандартного каузализма, который

утверждает, что у каждого действия есть причина. В событийном каузализме «причиной действий (или любых других событий) может быть только событие» (с. 239). Этот вид каузализма несовместим с теми теориями, которые полагают, что не только события, но и агенты (как субстанции) могут быть причинами действий. Д. Б. Волков полагает, что событийный каузализм - это общепринятая позиция в современной аналитической философии. Проблема, которую влечет за собой принятие такой позиции, состоит в «исчезновении агента» действия в самых разных аспектах. Первый из них - вопрос о единстве и тождестве личности. В главе диссертант обстоятельно реконструирует три подхода к решению вопроса о тождестве личности: психологический, биологический и субстанциональный (первые два подхода диссертант считает реляционными). Диссертант соглашается с точкой зрения М. Шехтман, согласно которой в среде аналитических философов конца XX - начала XXI вв. доминирует психологический подход. После обширного историко-философского экскурса диссертант реконструирует современные теории тождества личности, развитые в рамках психологического подхода, в частности С. Шумейкером и Д. Парфитом. Если представители психологического подхода усматривают критерий тождества личности в преемственности психологических характеристик (например, памяти), то сторонники биологического подхода обнаруживают такой критерий в постоянстве телесной организации, т. е. в жизненном цикле организма. Диссертант реконструирует подход Э. Олсона, а затем рассматривает и критические возражения против биологического подхода к решению вопроса о тождестве личности. Из сторонников субстанционального подхода к решению этого вопроса особое внимание диссертант уделяет анализу концепции Р. Суинберна. По мысли этого британского философа, фундаментальным нередуцируемым отношением, на котором может строиться непротиворечивая теория тождества личности, может быть только тождество субстанции. С точки зрения автора диссертации, ни один из рассмотренных им вариантов решения проблемы тождества личности не может быть признан удовлетворительным. Этот вывод диссертант делает на основании проведения пяти мысленных экспериментов, сквозь которые не удастся пройти ни одному из вышеупомянутых подходов.

После этого диссертант предлагает историко-философскую реконструкцию теории личности, развитую Д. Деннетом. Замечу еще раз, что и в этом случае речь идет именно о реконструкции, проделанной диссертантом, поскольку сам Деннет не предлагает в эксплицитном виде теории личности в своих работах. Волков использует историю «Где Я?», опубликованную Деннетом в книге, написанной совместно с Д. Хофштадтером, которую он считает своего рода художественным изложением проблемы тождества личности. Волков демонстрирует, что позднее (в книге «Объясненное сознание») Деннет излагает концептуальную схему возникновения личности. По мысли диссертанта, личность для Деннета - это расширенный фенотип, возникающий в организме благодаря паутине поступков и текстов. Личность представляет собой центр нарративной гравитации, то есть своего рода набросок или модель, которая выступает продуктом деятельности биологического организма, продуктом его адаптации к внешней среде. Таким образом, возникновение личности - это естественный процесс расширения фенотипа, или процесс саморепрезентации, который встречается не только у человека, но и у других живых существ. Последующие размышления посвящены

вопросу о том, чем личность отличается от иных форм расширенного фенотипа. Волков продолжает реконструкцию теории Деннета, пытаясь описать критерии для формирования личности, на которые указывает американский философ: рациональность, сознание, возможность быть объектом личностной установки, способность занимать личностную установку, язык и самосознание. Концептуальная схема Деннета, по мысли диссертанта, формирует так называемый «нарративный подход» к решению проблемы тождества личности, который выгодно отличается от психологического, биологического и субстанционального подходов, о которых шла речь в начале третьей главы. Нарративный подход Волков называет неклассическим и относит к нему помимо Деннета М. Шехтман и Р. Эткинза. С точки зрения диссертанта, для нарративного подхода отношение нумерической тождественности личности в разные периоды времени оказывается нерелевантным. Релевантным выступает вопрос о тех характеристиках (свойствах, состояниях, действиях), которыми личность обладает. Иными словами, для сторонников нарративного подхода важен не вопрос о реидентификации личности, но вопрос о ее характеристике (с. 319). Далее диссертант эксплицирует те характеристики, которые, на его взгляд, важны для развития полной нарративной теории личности: перспектива, траектория психического развития, телеологическая направленность. Преимущества нарративного подхода состоят, по мысли диссертанта, в том, что личность формируется из рассказа, реализуется в автобиографии, то есть жизненной истории. Возражения против теории нарративной гравитации Деннета, выдвинутые в современной аналитической философии, не убеждают диссертанта и он заканчивает свое исследование признанием, что нарративная теория оказывается самой перспективной из имеющихся в нашем распоряжении.

В заключении диссертант в сжатом виде формулирует результаты историко-философской работы, проделанной им в трех частях исследования, резюмирует, что в решении проблемы свободы воли достигнут значительный прогресс по сравнению с этапами ее развития до возникновения аналитической философии, а совсем под конец осторожно заявляет, что, по всей видимости, свобода воли существует вне зависимости от того, является наш мир детерминистским или индетерминистским, а приписывать моральную ответственность личностям представляется целесообразным предприятием.

Надо отметить, что диссертация очень четко структурирована и продумана. Диссертант находит интересный и убедительный способ продемонстрировать эволюцию проблемы свободы воли и моральной ответственности в аналитической философии XX - начала XXI вв.: через рассмотрение проблемы ментальной каузальности, ее совместимости/несовместимости с установками детерминизма/индетерминизма, ее экспликацию через проблему тождества личности. Диссертация представляет собой комплексное систематическое исследование, которое вносит существенный вклад в современную историко-философскую науку, в ней дан детальный сравнительный историко-философский анализ центральных концепций аналитической философии о проблеме свободы воли и моральной ответственности. Стоит отметить наличие в диссертации четко прописанных выводов, данных в конце каждой главы, а также в заключении исследования, что свидетельствует о глубоком понимании автором проделанных

им концептуальных шагов и помогает читателю текста более четко проследить структуру исследования и вникнуть в его содержание.

Можно было бы ожидать, что диссертация о свободе воли будет полностью свободна от недостатков, а диссертант не будет нести за них ответственность в силу их отсутствия. Но как иногда замечает сам диссертант, подобное бывает только в идеальных возможных мирах. Меня очень порадовало, что диссертация написана чрезвычайно ясным языком, в ней не встречаются грамматические ошибки. Из формальных погрешностей оппоненту удалось заметить лишь пару лишних знаков препинания (с. 150), а также единожды потерянную букву ё в фамилии Сёрла на с. 74 и букву л в фамилии Чизолма на с. 267. К формальным погрешностям диссертации я отнесу следующее замечание, которое представляется мне важным. В итогах первой главы (с. 125-127) диссертант ничего не говорит о решении проблемы ментальной каузальности в теории локального интеракционизма, описанию которого посвящена значительная часть первой главы и элементы которой использует сам диссертант для предложенного им решения проблемы. Казалось бы, если удовлетворительное решение проблемы ментальной каузальности было найдено, тем более силами отечественных мыслителей, то об этом надо было громко заявлять не только в тексте диссертации, но и в итоговых размышлениях первой главы. Зачем демонстрировать нерешимость и создавать излишнюю таинственность?

Возможно, за нерешительностью и таинственностью скрывается тот факт, что сам диссертант не был до конца убежден тем решением проблемы ментальной каузальности, которое было предложено теорией локального интеракционизма. К выводам этой теории у меня имеется содержательное возражение (я его озвучиваю, поскольку, как уже было отмечено, диссертант не только разделяет данную теорию, но и строит на ней свои собственные размышления как в первой, так и в третьей главах диссертации). Доказательство теории, предложенное отечественным философом Васильевым, строится приблизительно следующим образом: мозг субъекта А и мозг субъекта Б могут оказаться в полностью тождественном физическом состоянии, однако поскольку к данному состоянию они пришли разными траекториями, то, соответственно, поведение А и Б в следующий момент времени могут различаться. Это в свою очередь означает, что ментальная каузальность существует, что и требовалось доказать.

Мне представляется, что в основной посылке аргументации содержится скрытый парадокс, который умело замаскирован автором (и его последователями) благодаря имитации функционалистского подхода к решению проблемы ментальной каузальности. Функционализм утверждает, что разные физические события могут иметь одно и то же функциональное значение. Вместе с тем, функционалисты не берут на себя смелость однозначно заявлять, что одно и то же физическое событие может каузально произвести к разным функциональным состояниям. Они предпочитают утверждение о том, что два разных физических события могут каузально привести к одному и тому же функциональному состоянию. Васильев надстраивает над этим еще одно дополнительное звено: ментальное событие, которое, якобы благодаря своей каузальной истории, может привести локальную физическую систему (мозг) в разные функциональные состояния.

Автор теории локального интеракционизма предлагает нам помыслить мир, в котором две разные физические системы окажутся в абсолютно тождественном физическом состоянии. Эти две физические системы будут различаться лишь каузальными траекториями, которые привели их в указанное физическое состояние. Я пытался, но так и не смог помыслить такой мир, в котором две физические системы будут абсолютно одинаковыми, отличаясь лишь разными каузальными траекториями. Руководствуясь человеческим воображением, я представляю себе, что если у двух объектов имеется разная каузальная траектория, то это обстоятельство обязательно скажется на их физическом состоянии (пусть в какой-то незначительной, макроскопической детали). Я смог вообразить себе только один-единственный случай сосуществования полностью тождественных физических объектов, когда они покоятся в идеальном мире, где ничего не происходит, то есть где нет каузальности. Не помогло мне и разъяснение, данное Д. Б. Волковым на стр. 70, где он описывает базовое условие теории локального интеракционизма для реального мира, в котором два физических объекта, а именно два мозга, могут «прийти в одинаковые состояния, одинаковые вплоть до каждого нейрона, атома, элементарной частицы». С моей точки зрения, никогда два мозга, допустим, мозг Васильева и мозг Волкова, не смогут выполнить данного условия. В лучшем случае они смогут впасть в одно и то же функциональное состояние. Таким образом, с моей точки зрения, проблема теории локального интеракционизма в том, что в ее основе лежит невозможная онтология, вернее, возможная онтология невозможного мира. Можно себе представить, что мозг Васильева и мозг Волкова, или даже процессор вычислительной системы на кремниевом носителе, могут впасть в одно функциональное состояние, но никакая локальная физическая система по определению не может быть онтологически тождественна другой локальной физической системе.

Несмотря на высказанную критику я признаю, что диссертант дает полную реконструкцию любопытной попытки решить проблему ментальной каузальности, которую предпринял отечественный философ Васильев.

Второе мое возражение связано с критикой Д. Б. Волковым биологического натурализма Сёрла. Мне представляется, что в своей критике диссертант не учитывает различия между редукцией в онтологическом смысле (что и имеет в виду Сёрл под «реализацией») и редукцией в эпистемологическом смысле (редукцией на уровне языков описания). Если иметь в виду это различие, то становится более понятным то, «как согласуются утверждения, что сознание есть высокоуровневая характеристика мозга и что при этом оно не редуцируется к состояниям мозга» (С. 76), которые высказывал Сёрл. Не стоит забывать, что Сёрл продолжительное время занимался философией языка. Когда он говорит об эмерджентности сознания, то выдвигает эпистемологический тезис, поскольку онтологически для него сознание есть не что иное, как совокупность нейрофизиологических событий в мозге. Иными словами, с его точки зрения, ментальные события в мозге возникают не благодаря дополнительной каузальности, имеющейся помимо причинно-следственных связей на уровне нейробиологии мозга. Ментальные события суть нейробиологические процессы мозга, однако в рамках эпистемологии возможны различные уровни описания этих событий, а именно: нейробиологическое их описание и психологическое их описание. В такой эпистемологии получается, что событие *a* может выступать

причиной события *b* на языке описания нейробиологии, в то время как событие *A* может считаться причиной события *B* на языке описания психологии. Иными словами, онтология у событий будет одна и та же (то есть не требуется никакого дублирования причинно-следственных связей), а вот эпистемология у них будет разная (разные языки описания причинно-следственных связей). Диссертант же упрекает Сёрла за то, что последний якобы вводит двойную онтологию (см. с. 81 и далее, где идут рассуждения диссертанта о низкоуровневых и высокоуровневых событиях).

Еще одно замечание касается «нарративного подхода» к решению проблемы тождества личности, который реконструирует и отстаивает диссертант в третьей главе своей работы. Некоторые места высказанной аргументации вызывают серьезные вопросы. Так, на с. 325 диссертант пишет буквально следующее: «Нарративный подход предполагает, что личность формируется из рассказа и, соответственно, обладает характеристиками, расположенными в разных временных координатах. Личность реализуется в жизненной истории, автобиографии. В этом и есть сущность личности. Поэтому для личности особенно важно, чтобы нарратив развивался максимально благополучно. Личность имеет основания ожидать справедливой компенсации в рамках этого нарратива и несет ответственность за действия, включенные в нарратив». Вместе с тем, в дальнейшем тексте не совсем четко прописан механизм формирования нарратива, нет ответа на вопросы о том, кто и как решает, что включать в нарратив, а что нет, не учитываются те случаи, когда личность вынуждена нести ответственность не за собственный, а за приписываемый ей нарратив. Чем отличается нарративный подход к решению проблемы тождества личности от своего рода мифологии личности, основанной на цепи выдуманных рассказов о себе, которые передаются другим? Иными словами, не совсем понятно, как именно нарративный подход решает проблему аутентичной истории личности.

Кроме того, на мой взгляд, было бы продуктивным дать хотя бы краткий сравнительный анализ нарративного подхода, возникшего в рамках аналитической философии, с нарративным подходом, развитым в рамках феноменолого-герменевтической традиции (ярким представителем который был, например, П. Рикер). Такой сравнительный анализ помог бы читателю диссертации оценить преимущества и недостатки нарративного подхода, который реконструируется диссертантом.

Несмотря на перечисленные выше возражения касательно реализации замысла диссертационного исследования, необходимо констатировать, что мы имеем дело с оригинальной, хорошо продуманной научной работой, обладающей актуальностью, новизной, ярко выраженной авторской позицией, которая прослеживается как в тексте самой диссертации, так и в многочисленных работах автора, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях по философской тематике. В диссертационной работе обстоятельно и полно реконструирован широкий спектр воззрений на проблему свободы воли и моральной ответственности, возникших и развивающихся в аналитической философии середины конца XX - начала XXI вв. В диссертации детально реконструированы аргументы и контраргументы основных представителей аналитической философии указанного периода. Таким образом, диссертация может считаться наиболее полным из имеющихся в отечественной историко-философской

науке компендиумом по заявленной проблеме. Нужно констатировать, что такого эффекта диссертант добивается благодаря четкому заданному предметному полю исследования, адекватно избранной методологии, систематическому подходу. Совокупность теоретических положений диссертации можно квалифицировать как научное достижение, вносящее существенный вклад в современную историко-философскую науку. Диссертационное исследование полностью соответствует критериям, предъявляемым к докторским диссертациям в Постановлении Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (и изменений к нему от 21 апреля 2016 года № 335), а его автор Дмитрий Борисович Волков заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 - история философии.

Д. Н. Разеев

 18.04.2017

доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Институт философии СПбГУ, тел. (812) 3289421, e-mail: d.razeev@spbu.ru

ЛИЧНО ПОДПИСЬ
Д. Н. Разеева
ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
И. К. КОРЕЦКАЯ
48.04.17.
